

ДЕТЕКТИВНОЕ РЕТРО

ВЕДЬМИНО

КОЛЬЦО

АЛЕКСАНДР РУЖ

Александр Руж
Ведьмино кольцо
Серия «Вадим Арсеньев», книга 5
Серия «Детективное ретро»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67940457
Ведьмино кольцо: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-173422-0

Аннотация

1927 год. Сотрудник особой группы Спецотдела ОГПУ Вадим Арсеньев возвращается из служебной командировки в Москву, но недалеко от Перми его снимают с поезда и доставляют в местный подотдел уголовного розыска. Выясняется, что в районе совершено загадочное убийство с применением неизвестного оружия. Вдобавок по окрестным поселкам ходят упорные слухи о будто бы появляющихся в небе летательных аппаратах диковинной конструкции и людях в серебристых комбинезонах. В милиции считают подобные рассказы вымыслом, но дело об убийстве получает серьезный резонанс, поэтому Вадима, как специалиста по аномальным явлениям, просят подключиться к розыску таинственных преступников...

Александр Руж – лауреат второго сезона премии «Русский детектив» в области детективного и остросюжетного жанров литературы и кино в номинации «Открытие года».

Содержание

Вступление	6
Глава I	14
Глава II	48
Глава III	72
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Александр Руж

Ведьмино кольцо

© Руж. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Вступление

За мной, читатель! Отложи суетные заботы и силой воображения переместись в год тысяча девятьсот двадцать седьмой, в излетные майские деньки, когда зрелое очарование лета приходит на смену весенней девической свежести, когда природа, налившись хмельными соками, буйствует во всю свою неограниченную силу и когда даже в самых заплесневелых умах, в тишайших закоулках бурлит, перекипая, невесть откуда взявшаяся мощь, которая просит выхода и применения...

Представь, что у тебя есть крылья и ты, подобно соколу, можешь обозреть землю с высоты птичьего полета. Не беспокойся, я не призываю тебя выбиваться из сил и наматывать виток за витком вокруг нашей необъятной планеты. Все, что нас интересует, – малый ее участок величиной в каких-нибудь полсотни квадратных верст, затерянный в Среднем Предуралье, где стоят, одетые в хвойный и лиственный малахит, величественные леса и где причудливо петляет река Сылва, похожая с тремя десятками притоков на разветвленный кровеносный сосуд.

Умерь взмахи крыл, скатись с воздушных сопок пониже. Видишь? – на левом берегу Сылвы, на двух холмах, раскинулось село: семьсот дворов с избами и хозяйственными постройками, пятиглавая церковь с трехъярусной колокольней,

рукотворный пруд площадью никак не меньше шестидесяти гектаров. Селу – полтора ста лет, своим появлением оно обязано Демидовскому плавильному заводу, который производил чугун и лил снаряды для императорской армии. В лучшие времена здесь проживало до четырех тысяч человек – в основном заводские рабочие со своими семьями. Но в начале двадцатого века производство было признано убыточным, доменная печь навсегда потухла, и село стало приходить в упадок. Население сократилось вдвое, работяги ушли к другим заводчикам, а оставшиеся занялись земледелием и кустарными промыслами.

Поднимемся чуть выше по течению Сылвы. Что это там? Вросший в суглинок дольмен, на котором проступают начертанные охрой письмена. В доисторическую эпоху в предгорьях Урала жили первобытные дикари, охотились, строили городища и молились чему попало.

В эту пору на здешней широте темнеет в десять вечера. Солнце уже зашло, но ты зорек и сумеешь разглядеть трех коренастых мужчин, что вышли из-под еловых шатров. Они выглядят диковинно: одеты в рубахи из крапивного волокна и суконные накидки, на ногах – кожаные чоботы и короткие меховые штаны, заправленные в чулки. Нестриженные волосы заплетены в две косы, чьи концы соединены жгутом. В ушах серьги, на поясе – низки из медвежьих клыков. Ни дать ни взять – скоморохи, сбежавшие с ярмарки.

Но на уме у них отнюдь не веселье. Лица сосредоточен-

ные, серьезные. Самый рослый тащит на спине куль, двое его спутников несут лопаты. И поминутно озираются – не следит ли кто? Вот они подошли к дольмену, рослый бережно опустил куль под ноги, остальные, не мешкая, принялись орудовать лопатами. Проворно вырыли яму аршина в три глубиной, отчего их косицы отяжелели, напитанные потом, а дыхание сделалось надсадным. Рослый, который, по всему виду, числился у них за жоака, распустил горловину куля и вынул из него человеческий череп. С благоговением положил его на росную траву, после чего стал выуживать одну за другой кости – плечевые, берцовые, тазовые – и укладывать их в копанку. Он действовал в строгом порядке – возвел из костей подобие поленницы, а сверху торжественно водрузил череп. Все действия производились в сугубом молчании. Рослый отшагнул назад; его товарищи, стараясь не повредить костяное сооружение, засыпали яму рыхлой землей, утрамбовали ее, уложили сверху предварительно срезанные пласты дерна, и все трое растворились под елями – там, откуда пришли.

Летим дальше? Верстах в семи к югу от села, близ пересыхающего болота, разбросана горстка домишек-шестистенок – старых, прокопченных, без печных труб, с так называемым волоком, через который дым выходит в деревянный короб на чердаке, а потом и на улицу. В этом поселении под названием Скопино жили некогда старообрядцы. После революции, убоявшись новых порядков, они двинулись за Урал,

в сибирскую тайгу. Брошенные ими жилища долго пустовали – никто не желал селиться на отшибе. Однако не так давно вновь закурились над крышами серые дымки, запахло едой, заскрипели ворота колодцев – хутор воскрес, стал подавать признаки жизни.

Вот и сейчас, в ночь-полночь, он не спит. За плотно завешенными оконцами, на фоне нестойких свечных огоньков маячат тени, слышится приглушенный бубнеж. А через хутор идет человек, на вид еще диковиннее, чем те трое, что копались у дольмена. Облачен в черную рясу до пят, на голове куколь – физиономии не видно. Поверх рясы – клеенчатый фартук, а вместо креста на шее – стальная цепь с гачным ключом. В руках – берестяной туесок и кисть из конского волоса. На вид не то поп-расстрига, не то разжалованный фармазон. Ступает вразвалочку, с осознанием собственной важности. А в домах шушукаются, прилипают изнутри к дыркам, проверченным в передних стенках сеней. Повсеместно в круглых, как монетки, щелочках помаргивают любопытные глаза – карие, голубые, зеленые...

Дырки свежие, при старообрядцах их не было. И прокручены не только для подглядки. Едва рясник-фартучник подходит к избе, как из нее через отверстие высовывается... нет, не подумай дурного... указательный перст. Кисть ныряет в туесок, бултыхается там в жидкой каше, а затем – раз! – шаркает по персту, и тот мгновенно убирается обратно. А комедиант в фартуке переваливается себе к следующему дво-

ру, где повторяет непонятную процедуру. К следующему, к следующему – и так до околицы.

Но не станем дожидаться, пока он закончит. Если ты думаешь, что эти места больше ничем тебя не удивят, ты заблуждаешься. Ниже по течению реки, к востоку от ее старого русла, есть темное лесистое ущелье. Никто не ведает, что занесло туда пропойцу и бродягу Спиридона Грошика (это, между прочим, его фамилия, а не прозвище). Вышел он из города Кунгура, где всю зиму занимался попрошайничеством, покуда не намозолил глаза милиции. Не желая угодить в каталажку, двинул на Урал, где и народ позажиточнее, и среди многолюдья затеряться проще. Когда-то Грошик принадлежал к трудовому элементу – батрачил грузчиком на Каме, да надорвался, а поскольку ни к какому иному ремеслу приучен не был, подался в профессиональные нищие. А что? Тоже хлеб, причем пупок рвать не надо – сделай рожу пожалостнее, сгорбись, как калека, слезу подпусти и упирай на то, что ты бывший красный боец-рубака, израненный на колчаковских или деникинских фронтах.

Спиридон шагал по пружинистому, подмытому еще не ушедшей вглубь талой влагой дну ущелья, посасывал из бутылки вонючий бурачный самогон – щедрое подношение одной сердобольной вдовы из деревни Каменка – и поглядывал на расцветенный звездами небосвод. Он еще днем сбился с дороги, но не замечал этого. Звезды переливались уральскими самоцветами, подмигивали и поддразнивали: слабб,

человече, оторваться от земной персти и воспарить ко ангелам? Спиридон был романтиком, к тому ж не безграмотным – знал, что каждая из этих переливчатых крохотулек величиной не уступает Солнцу, и колготятся вокруг них шарики, подобные нашей Земле. Он частенько задумывался. а есть ли на тех шариках проживальщики и какие думы обуревают их, когда они вот так же, ночами, смотрят в небо и потягивают какой-нибудь свой инопланетный первачок...

Совсем далече занесла Грошика фантазия, а ходилки, слегка заплетавшиеся после выпитого, вывели из ущелья к горке, где явилось ему во всей красе неземное видение: откуда-то из-за утыканного кустарниками склона изливался медовый свет – яркий-преяркий, – отчего горка смахивала на чело праведника, окаймленное святым нимбом. И еще доносился оттуда ровный басовитый гуд.

Потрясенный зрелищем Спиридон истово перекрестился бутылкой с остатками косорыловки и направил стопы свои напрямиком к горке. Другой бы на его месте поостерегся, а то и драпака бы задал, но Грошик был не из боягузов. С детства зудела в нем любознательность до всяких непознанных явлений.

Вдовья самогонка прибавила отваги, и он дошагал до подножия горушки. Волшебное сияние к тому времени потухло, гуд прекратился, но продолжение оказалось еще занимательнее. Из-за возвышенности вышли двое... не клеилось к ним понятие «человеки», а скорее, подходило другое, слышанное

Грошиком на камском пароме от сухощавого интеллигентика в пенсне – «индивиды». Серебристые шлемы на головах, заместо личины – матовая стекляшка. Плечи, бока, ляжки – короче, все туловище обтянуто комбинезоном серебряного колера. За спиной болтаются не то рюкзаки, не то ранцы, из них какие-то проводочки свисают. Именно так Спиридон представлял себе гостей из других галактик и шибко возрадовался, что сказочные его измышления воплотились в быль.

Но может, и нет их, индивидов? И нимба он не видел, и гудения не слышал, а виной всему свекольный горлодер, в который дура баба всыпала аммиачной селитры или чего похуже.

Грошик осерчал, хватил бутылкой об осину и, пошатываясь, побрел вперед с распростертыми объятиями и застывшей идиотски приветливой улыбочкой. Намеревался изречь «Добро пожаловать до земной юдоли!», но тот из индивидов, что смотрелся поплечистее, прогуркотел чегой-то из-за выпуклой стекляшки и вытянул перед собой десницу. Что было в той деснице, Спиридон не разглядел, ибо в наступный миг разорвался его непутевый калган на мириады мельчайших частичек, и вознеслась Грошикова душа туда, куда так настойчиво кликали ее самоцветные светлячки...

Такова она, местность, расположенная в трех дневных переездах на гужевом транспорте от Перми и в одном пешем переходе от Сибирской железнодорожной магистрали. По

российским меркам – почитай, цивилизация, а эвона сколько чудес происходит! И если ты, мой читатель, еще не утратил интерес, то следуй за мной далее.

Все только начинается.

Глава I

в которой слово предоставляется Вадиму Сергеевичу Арсеньеву

Как бы вы повели себя, если бы вас, законопослушного пассажира, ни за что ни про что ссадили с поезда, заломили руки и поволокли в кутузку? Не случилось с вами такой оказии? А со мной случилась.

Замечу, что я не просто пассажир, а штатный сотрудник особой группы при Спецотделе ОГПУ, в подтверждение чего имею документ, подписанный Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, светлая ему память. И ехал я не с тещиной дачи в Жаворонках, а возвращался из служебной командировки, где по поручению самого председателя политуправления расследовал дело государственной важности. Восемь месяцев жил в Якутии, на «полюсе холода», намерзся, чуть не утонул, мог попасть под пулю, устал как собака, но предписание выполнил¹. И с чувством глубокого удовлетворения пилил по Транссибу домой, где меня заждались друзья, начальство и невеста. Кто из них больше заждался, это еще вопрос, но сейчас нет смысла его обсуждать, потому как на захолустном полустанке между Свердловском и Пермью вошли в ва-

¹ Подробнее читайте об этом в романе Александра Ружа «Полюс вечного холода».

гон здоровенные жлобы и велели мне следовать за ними.

Я спросил, по какому праву, а мне под нос сунули милицейские мандаты и без лишних слов – локти за спину. Жлобов было трое, и находишь мы на открытом пространстве, я бы с ними сцепился. Приемам рукопашного боя меня обучали еще в царской контрразведке, а уже при Советской власти я взял себе за правило два раза в неделю ходить в физкультурный зал при динамовском спортобществе, так что слабаком и неумехой в драке себя не считаю. Но в вагоне теснота, кругом мирные люди, в том числе мамки с детьми. А у жлобов наганы. Затеешь потасовку, чего доброго, начнут палить, попадут в кого-нибудь...

В общем, вышел я с ними на перрон, поезд мой чух-чух в Москву, а меня затолкнули в руссо-балтовский кабриолет и куда-то повезли. Я честно предупредил: ребята, у вас будут неприятности. Я вам не шнифер и не домушник, которого можно за здорово живешь в обезьянник упрятать. Если в столице проведдают о вашем самоуправстве, я вам не позавидую. А они мне: мы исполнители, у нас приказ, поэтому препираться с нами – только понапрасну атмосферу сотрясать.

– За что хоть меня взяли? – спрашиваю. – В чем обвиняют?

Но так ничего и не добился. То ли им было велено причину задержания до поры не разглашать, то ли впрямь ничего не знали, дуболомы стоеросовые. Единственное, в чем просветили, – в географических координатах. Станция, на

которой меня из состава выгрузили, называлась Шумково. Судя по типовым домикам, ее лет двадцать назад построили, не раньше. А путь мы сейчас держали в райцентр Усть-Кишерть. Мне эти названия ни о чем не говорили, я здесь не бывал ни разу.

Ехали больше часа, дорога дрянная, таратайку нашу на каждом ухабе подбрасывало так, что чуть колеса не отваливались. Я думал, повезут в местное отделение милиции, уже и спич заготовил гневный – в расчете на то, что там кто-нибудь умный попадется и дотумкает, какую промашку его абреки совершили.

Было уже около полуночи, когда подъехали к кривенькому бараку, на котором висела линия табличка с надписью: «Уголовно-розыскной подотдел». За тот час, что «Руссо-Балт» трясся по буеракам, я привел свою нервную систему в равновесие. Еще посмотрим, чья возьмет!

В бараке пахло портянками и борщом. Оно и понятно: первые сушились на бечевке возле печи, а второй плескался в тарелке на разошедшемся дубовом столе и быстро исчезал, поедаемый лысым крутолобым мужиком в гимнастерке и обтрюханных галифе. На шее у мужика было намотано кашне из овечьей шерсти. Хлебная борщ, он то и дело подкашливал – гулко, как в трубу: «гхы, гхы». Нехороший кашель, бронхиальный.

Мои конвоиры остались снаружи – все, кроме одного. Он подпихнул меня к столу и прогундосил:

– Доставили.

Лысый мужик зыркнул исподлобья.

– Молодцы, клопа вам в онучи! Свободны. А ты, – это уже ко мне, – присаживайся. – И он указал черенком ложки на гнутый венский стул.

Я бы ему и стоймя высказал все, что наболело, но раз приглашают, почему не сесть? Тон у едока дружелюбный, есть надежда, что сговоримся.

Стул был единственной новой вещью в этом помещении. Сделан, как полагается, из бука, ножки слегка разведены, полукруглая спинка. Откуда в этой глуши фирменная австрийская мебель?

– Нравится? – хмыкнул лысый. – Думаешь, заграница? Гхы... Нет, брат. Это у нас в районе три года назад артель для инвалидов войны открыли. Они эту красоту и выпускают. – И без перехода: – Борща хочешь? Мне соседка-солдатка целую кастрюлю наварила, клопа ей в онучи!

Это была его любимая присказка, без нее ему, наверное, и двух фраз не связать.

Сбил он меня с настроя своими стульями и борщом. Но я собрался, сделал обличье посуровее, ну, и выдал по полной программе. Удостоверение гәпәушное выложил, помянул, что лично знаком с Менжинским.

Лысый хлебать перестал, уронил ложку в тарелку. Козырьки бровей нависли у него над глазами.

– Что значит повязали? Вот дурошлепы, клопа им в ону-

чи! Русским языком сказал: доставить со всей обходительностью... гхы! – И покаянно притиснул руку к широкой груди. – Ты прости, Арсеньев, я этих недоумков взгрею как полагается. По уму я сам тебя должен был встретить, да поясница разболелась, чтоб ее... – Он, кряхтя, приподнялся, потер копчик. – Это у меня с войны, в Галиции, в окопах, застудил. С тех пор прихватывает... И дышалку там же посадил – фрицевских газов надышался. Чуть подпростыну – кашель из самого нутра лезет... гхы, гхы!

Я-то знал, что такое германские газы – сам нюхнул их еще мальчишкой, в пятнадцатом году на фронте. И злость моя помалу улетучилась, понял я, что лысый – не подлец, не крыса канцелярская, из тех, что шаровары в кабинетах просиживают и росчерком пера людей без разбора в расход отправляют. И коли меня сюда притащили, значит, повод не пустячный.

– Вы кто? – спросил я уже без гонора. – Из угро?

– Бери выше.

Он выложил передо мной бумагу с броской шапкой «НКВД РСФСР». Пониже значилось: «Центральное административное управление». Об этом ведомстве я был наслышан – нашей конторе оно не подчинялось, но тоже было достаточно влиятельным, так как объединяло в себе и Главу пр милиции, и Центроязык, и административный надзор, и ведомственную охрану, и даже адресные столы.

Лысого, судя по документу, звали Егором Петровичем, а

фамилия его совершенно не вязалась с внешностью – Кудряш. В графе «Должность» значилось: «Субинспектор первого разряда». По советской табели о рангах это приравнивалось к заместителю начальника регионального управления. Сидеть бы ему в Перми, по месту служебной прописки, но нет – лично прибыл в медвежий угол, невзирая на болячки. Это еще больше убедило меня в том, что дело не второсортное.

А он как будто мои мысли прочел, усмехнулся:

– Гадаешь, за каким арапом я сюда приперся? – Он назидательно поднял палец и процитировал, как по писаному: – «В число главнейших функций ЦАУ входит выезд на места для помощи коллегам при наиболее сложных случаях». Вот я и выехал.

Тут уж настала пора расставить, как говорится, все точки.

– А что за случай? Действительно сложный? Я ни сном ни духом...

Егор Петрович запустил ложку в капустную мешанину, причмокнул.

– Был бы простой, я бы тебя с поезда не сдернул, клопа тебе в онучи. Тут, брат, еще в том сложность, что материи затронуты... гхы... не совсем для меня ясные. Я в этой Усть, мать ее, Кишерти уже пятый день торчу, разобраться пытаюсь. А как узнал, что через Шумково едет спец по всяческой чертовщине – ты то есть, – понял: вот он, подарок фортуны! Ну и послал архаровцев тебя выцепить... Да ты не серчай,

все по форме. У меня и разрешение есть, глянь. Черным по белому: «Передать товарища Арсеньева В. С. в целях оказания консультативного и иного содействия в распоряжение товарища Кудряша Е. П. вплоть до исчерпания необходимости в оном содействии».

Он выложил на обозрение еще одну бумаженцию, поменьше первой. Я разобрал под текстом, переданным по факсимильному телеграфу, подпись начальника Спецотдела ОГПУ Бокия.

Ишь ты, подсуетился! Бывалый, все предусмотрел. Но откуда узнал, что я еду в этом поезде? О моей командировке в Якутию были осведомлены только в Москве, на самом высоком уровне. С дороги я отправлял депеши своему непосредственному начальнику Барченко. Его почта, равно как и телефоны находились под контролем Генриха Ягоды, который в прошлом году перепрыгнул в кресло первого зама председателя ОГПУ. Выходит, у пермского субинспектора в нашем московском аппарате имеются осведомители?

Спросить бы напрямую, но он воробей стреляный, откровенничать не станет. Ладно, отложим. На повестке дня другое: для чего ему понадобился спец по чертовщине?

– А вот для чего. – Лысый Кудряш доел борщ, выскреб тарелку подчистую и облизнул ложку. – С полгода назад стали нам из Кишертского района сигналы поступать. Мы на них попервоначально внимания не обращали, списывали на предвзвешенные и невежество населения. Но неделю назад Птаха

сообщение об убийстве прислал...

– Кто прислал?

– Участковый надзиратель. Он один на весь район за порядком присматривает. А площадь, я тебе скажу, немаленькая, клопа ей в онучи. Птаха – башковитый, пронырливый... Да ты сам увидишь, я вас завтра сведу.

– А что за сигналы поступали? – уточнил я. – Кто-то в пруду чудище увидел или кикиморы в лесу завелись?

Все это живо напомнило мне обстоятельства моей сибирской поездки. Там тоже начиналось с таких же нелепых на первый взгляд сигналов. А закончилось трагедией. И черти с лешими были совсем ни при чем.

Егор Петрович прокашлялся, поплотнее закутал кадык.

– Не чудища, нет. Огни... гхы, гхы!

– Какие огни?

– Разные. Мельтешат за деревьями, а еще жужжит что-то.

И человечки являются.

– Человечки?

Я, по правде сказать, решил, что он меня разыгрывает. Проверяет, насколько я глупый и легковверный.

Но лик у товарища Кудряша оставался каменным, хоть слова, которые он произносил, звучали одно другого несуразнее:

– Да, человечки. На головах то ли коконы, то ли еще чего. Костюмы одноцветные – кто говорит, серебром отливают, а кому зеленое с синим мерещится...

– Так, может, и правда мерещится? По деревьям столько непросвещенного народу живет... Если каждой сплетне значение придавать, то никакой милиции не хватит.

– Так-то оно так, – вздохнул Егор Петрович, – но что ты на это скажешь? – И он подсунул мне писульку, нацарапанную фиолетовыми чернилами.

Я начал читать. Составлено было безграмотно, с ошибками, но легко было определить, что писавший состоял на государственной службе и имел знакомство с казенными речевыми оборотами.

«У падножья Змеиной горки обнаружено тело гражданина, – проговаривал я про себя, продираясь сквозь покосившийся частокол букв. – Состояние как есть мертвое. На левой щеке ожоговое питно, прочих павреждений не фиксируещца. Гражданин имел босые ноги, портки с дырками, кафтанье старорежимнаго покроя и катомку с вещами, перечень коих прилагаю...»

Далее следовал длинейший реестр: ломоть зачерствелого хлеба, обклеенная папиросной бумагой губная гармоника, клубок ниток, фарфоровая статуэтка голой женщины с отбитыми верхними конечностями, пустое портмоне крокодиловой кожи, бусы из дешевых кораллов, батистовый платочек...

Дочитывать я не стал, вернул писульку лысому.

– Что за грамотей это накалякал?

– Птаха. Ты его не брани, у него до революции вовсе обра-

зования не было, а нынче только второй год на ликбезовских курсах учится. И то некогда – работа покоя не дает, клопа ей в онучи... гхы!

– И что это за гражданин такой с босыми ногами и голой женщиной в котомке?

– Личность установлена. Попрошайка, мелкий вор. Мыкался по Руси, лоботрясничал...

– Но кто его так? И за что?

– А вот это, брат, наиважнейший параграф. – Егор Петрович натужно встал из-за стола, распрямил позвоночник, принялся расхаживать взад-вперед по комнате. – Убитый, по нашим сведениям, ничего из себя не представлял, забрел сюда случайно, клопа ему в онучи. Змеиная горка от жилья далеко, там-то этих человечков и видели чаще всего...

– Хотите сказать, босяка убили, потому что он подглядел то, что видеть не полагалось?

Егор Петрович был старше меня лет на двадцать, и у меня язык не поворачивался называть его на «ты».

– Именно. Все, кто до него с этими аномалиями сталкивался, бежали без оглядки. И видели только издалека, внимания к себе не привлекали... гхы, гхы! А он, чай, пьян был. Птаха в можжевельнике разбитую бутылку подобрал, сивухой разит... Мыслю я, что не осознал он опасности, дурость какую-нибудь выкинул, его и шлепнули.

– Следы чьи-нибудь были?

Во мне пробудился профессиональный азарт, хотелось

сразу взять быка за рога и показать, что с выбором консультанта Егор Петрович не ошибся.

– Какие следы, клопа им в онучи! – Он квело отмахнулся. – Трава высоченная, лишайник... разве что-нибудь разглядишь? – Сделал паузу, хитро мне подмигнул. – Вижу, втягиваешься. Завтра Птаха придет, все тебе по полочкам разложит. А покамест давай спать.

Поставленная задача меня заинтересовала, хотя все еще грызла досада, что в ближайшие дни не попаду в Москву. Вдобавок заключительная реплика напомнила мне о нерешенных бытовых проблемах.

– Где же я приткнусь? У меня здесь ни кола ни двора...

Егор Петрович поскреб зашеек.

– Я у солдатки живу, но у нее халупка с мышиную нору, ты не поместишься. А знаешь... гхы... переночуй здесь. Шинельку на полу постелешь, как-нибудь перекантуешься.

Я не из брезгливых, но валяться на замызганном полу, где сновали полчища тараканов, мне не улыбалось. А если с утра сюда кто-нибудь из сельских служивых зайдет – тот же Птаха? Споткнется об меня, как о последнего забулдыгу, – что подумает? Вся моя репутация псу под хвост.

– Нет ли сеновала? Я бы там...

Домямлить мне не дал женский крик, что долетел с улицы. Заполошный, режущий уши.

Егор Петрович встрепенулся, хапнул лежавший на подоконнике револьвер.

– Никак бандюки?!

У меня оружия не было. В Сибири взамен утраченного в бою табельного «ТК», достался мне трофейный штатовский кольт. Но он показался мне тяжелым, и я подарил его якутскому начмилу Полуяхтову.

Егор Петрович выскочил из комнаты, я за ним. Отсиживаться, когда рядом на кого-то напали, – себя не уважать.

Снаружи царила ночь, во всем поселке – ни единого фонаря, лишь кое-где мерцали окошки. Для меня это не имело значения, я в темноте вижу, как кошка, но Егор Петрович заругался:

– Клопа мне в онучи... надо было керосинку взять!

– Не надо! Вон он! – Я показал ему на плюгавого мужичка, который улепетывал по улице. Позади него, справа, мотылялась на ветру распахнутая калитка – свидетельство того, что выскочил он оттуда, а не из другого двора.

– К Липке лазил, стервец! – определил Егор Петрович. И пояснил на бегу: – Училка там живет, из профшколы. Олимпиадой звать.

Спринтер из него был неважнецкий – уже через десяток шагов сбилось дыхание, и поясница наверняка давала о себе знать. Кривясь от боли, он вытянул руку, выпалил по убежавшему. Мимо.

– Дайте! – Я выхватил у него револьвер, прицелился.

Мы поравнялись с раззявленной калиткой. Из двора выметнулась фигурка, закутанная в белую оренбургскую шаль,

и повисла у меня на предплечье.

– Не стреляйте! Он не бандит!

Этот голос мы слышали полминутой раньше, но интонация была уже не испуганно-истощенной, а умоляюще-требовательной. Я повернул голову и увидел, что в меня вцепилась красивая на вид барышня лет двадцати пяти. У нее были огромные – со страху? – васильковые глаза и две русые косы, свисавшие до пояса. От порывистых движений шаль размоталась, и я мог рассмотреть впечатляющие прелести – от стройных ножек, обутых совсем не по моде в бесформенные опорки, до ямочек на шее, над бугорками, натянувшими сатиновую блузку. Барышня мне понравилась, я опустил наган, и мужичонка, одетый, как мне почудилось, в звериные шкуры, благополучно смылся.

– Липка... ты? – выдохнул Егор Петрович меж приступами кашля. – Гхы, гхы! Кто это был?

– Санка. – Барышня отцепилась от меня и, судя по всему, застыдилась своей экспрессивности, а того пуще, легкомысленного одеяния. Подтянула шаль, запеленалась в нее и поглядывала на меня сторожко. Оно и понятно – виделись мы впервые.

– Какая еще Санка? – переспросил Егор Петрович и отобрал у меня револьвер, который я бессознательно норовил припрятать за поясом.

– Не какая, а какой, – разъяснила она с истинно учительской наставительностью. – Вогул. Да вы его знаете, он почту

помогает развозить.

– А, этот... А чего орала? Лапал он тебя, клопа ему в онучи? Тогда и пристрелить не жалко, зря помешала...

Олимпиада порозовела, еще теснее запахла шаль на груди. Фыркнула с обидой:

– Никто меня не лапал! Вот! – Она вернулась во двор, мы поневоле потянулись за ней. – Видите?

На ветке осины, что росла у плетня, висела привязанная веревкой за задние лапы тушка какого-то зверя. Я сначала подумал, кошка или собака, но оказалось – заяц. Его длинные уши тонули в некошеной траве.

Егор Петрович насупился.

– Что за язычество? Вогулы у тебя в усадьбе капище устроили... гхы, гхы?..

На милостивом лице Олимпиады нарисовалось выражение недовольства.

– Все не так! Вогулы – они не троглодиты, какими вы их воображаете. Санка и еще двое ко мне в школу приходят, я с ними русским языком занимаюсь. Знаете, какие они усердные! Не чета пролетариям, с которыми я каждый день бьюсь. Зубрят, как первоклашки, причем не как из-под палки, а...

Тут она сама себя остановила, решив, видимо, что слишком заговорила. Егор Петрович глядел на нее строго, ее филиппика его не убедила.

– Ты мне пролетариев не понось! Я сам до войны слесарничал, но и в школу ходил, не забрасывал. Потому и в люди

выбился, клопа мне в онучи! А эти твои... усердные... по сию пору идолопоклонством занимаются! – И он в сердцах сорвал зайца с осиновой ветки.

Я прислушивался к их перебранке, и мне надоело отмалчиваться.

– Вогулы – это кто? Народ?

– Малочисленный, – с неохотой произнесла Олимпиада. – Их тысяч пять на весь мир. Их не гнобить надо, а... – Опять прервалась. Помолчав, начала с нового разгона: – Они в основном на севере живут и ближе к Тюмени. У нас их мало.

– Лучше б вообще не стало! – Егор Петрович не унимался, бурлил, как полноводная река. – Вот скажи: что этот Санка со своими дружками здесь забыл? На работу не устраиваются, жительствоуют по лесам, как волки какие. Подножным кормом питаются... гхы, гхы!

Олимпиада вздернула плечико.

– Они так привыкли, это их традиционный житейский уклад. Со временем перестроятся, начнут жить по-другому, и тогда... – Пауза. – А зайца Санка мне в благодарность за обучение принес. Они мне еще в школе разные лесные дары всучить хотели, но я не брала. Вот он и принес тайком, привязал к ветке. А я услышала, вышла во двор. Не разобрала, что к чему, вскрикнула, а он...

И умолкла окончательно. Мне подумалось, что ее манера говорения – следствие профессии. Когда в классе гам, поневоле часто прерываешься, особенно если голосовые связки

не настолько сильны, чтобы перекричать всех галдящих разом. А выстраивать предложения коротко она не привыкла, не тот склад ума.

Егор Петрович поутих, повертел заячью тушку, протянул Олимпиаде.

– Раз так, держи. Да не кобенься, клопа тебе в онучи! Еда в доме не помешает, к тому ж у тебя теперь постоялец прибавится.

– Какой еще постоялец? – вскинулась Олимпиада.

– Этот, – он ткнул в меня. – Знакомься, товарищ из Москвы. Отряжен по госнадобности. Притулиться ему негде, а у тебя изба большая, разместитесь... гхы, гхы!

Такого поворота я не ожидал. Потянул Егора Петровича за рукав: мол, ты чего меня конфузишь, чертяка безволосый! А он будто и не заметил, гнул свою линию:

– Характеристики у Вадима Сергеича положительные, шалостей ни себе, ни другим не позволит, я за него ручаюсь, клопа ему в онучи. Плату за постой мы какую-никакую изыщем, а тебе и спокойнее будет, когда такой орел под боком.

Вогнал старый хрен в краску и меня, и девушку. Гляжу, она уже шаль к лицу потащила, хочет закрыться ею, как порабощенная женщина Востока паранджой.

Пора, думаю, и мне слово молвить.

– Егор Петрович, давайте я все-таки на полу в кабинете. Не будем ограничивать личное пространство товарища... простите, не знаю фамилии...

Но он не стал меня слушать, выкашлял с раздражением:

– Советская... гхы, гхы... власть в моем лице приняла решение, изволь подчиниться! И запомни: ничего личного в нашей стране давно нет. У нас все общественное. Так что шагом марш на ночлег, а завтра в девять утра чтоб был у меня как штык. Ясно выражаюсь?

– Так точно.

– Вот и хорошо. Счастливых снов.

Взглянул я беспомощно на Олимпиаду: возрази что-нибудь, если не хочешь меня терпеть у себя в квартирантах. Но она потупилась, промолчала. Не иначе Егор Петрович своим мандатом и властным видом навел мандраж на все село, никто не смел ему перечить.

Ушел он. Олимпиада, не глядя на меня, проговорила:

– Что ж... Идемте, покажу, где вы будете спать.

И направилась к дому. Шла плавно, покачивала бедрами, и я помимо воли залюбовался ею. Столько грации, пластики... одно слово, пантера! Ей в кино сниматься, Голливуд покорять, а не в уральском закуте чернотропов грамматике обучать.

Изба у Олимпиады была по деревенским меркам небольшая, в четыре окна по фасаду. Это как минимум две горницы, не считая сенцов. Но внутрь она меня не повела, показала на приставную лестницу, что вела на чердак:

– Полезайте. Там солома, будет мягко. А я сейчас рядом принесу.

И на том спасибо. Залез, огляделся. Чердак просторный, по углам – как и обещано – соломенные снопы. Дыр в крыше немного, от печной трубы идет тепло. Номер люкс, как сказал бы мой друг Макар Чубатюк.

В проеме показалась моя новая хозяйка. Подсвечивая себе керосиновой лампой, она протянула мне рядно, оказавшееся домотканым покрывалом.

– Вы есть хотите?

– Нет, спасибо, сыт.

Это я соврал. В последний раз перекусывал еще в поезде, пирожками с ливером, купленными у станционной торговли под Свердловском. От кудряшовского борща отказался, и теперь под ложечкой сосало. Но напрягать Олимпиаду, которую и так вынудили подчиниться начальственному произволу, я посчитал неуместным.

Расстелил рядно на соломе, скинул шинель, пристроил валиком в головах вместо подушки. Получилось вполне комфортное ложе.

Олимпиада следила за моими действиями, не уходила, и мне это почему-то было приятно. Будь я бабником, пожалуй, не утерпел бы, приударил за ней. Чудо как хороша! Но меня в Москве суженая дожидается, и не в моих привычках на первых встречных красоток кидаться.

А вот порасспрашивать ее не мешает. В памяти, как заноза, засел рассказ Егора Петровича об огоньках и человечках. Мне ведь теперь эту бесовщину расхлебывать... А Олимпи-

ада – девица образованная, в крестьянские басни вряд ли верит. Вдруг что дельное подскажет?

Но зашел я с другого боку:

– Скажите, а вогулы... вы их обычаи хорошо знаете?

Она смерила меня подозрительным взором.

– А что вам до них?

– Ничего. Просто так спрашиваю.

– Не просто... Вас сюда прислали из-за всех этих происшествий?.. – Она замялась. – Ну, будто у нас в лесах нечисть видят... а на днях мертвеца нашли.

Проницательная! Коли так, то и смысла нет ходить вокруг да около. Я подтвердил ее догадки. Она взволнованно зачестила:

– Вы на вогулов думаете? Это вам Кудряш подсказал, да? Не верьте! Вам про них столько небылиц наплетут... Что они своим богам людей в жертву приносят, что в православных церквях иконы медвежьей кровью мажут, что настойку из мухоморов пьют и оргии устраивают, что... – Пауза. – Но это все наговоры! Вогулы во многих отношениях порядочнее нас с вами, но им культуры не хватает, просвещенности. Для них национальные школы надо создавать, чтобы они и корни свои не теряли, и при этом шли к свету, а не... – Пауза. – Что до лесных огней и прочего, то они сами их боятся. Мне Санка говорил, что это менквы шалят.

– Менквы?

– Обратни. Они в густых зарослях живут. Вогулы верят,

что Верховный Дух, когда человека сотворял, немного недо-работал, и первый образец вышел плохо. Это и есть менкв, который потом в лес убежал, и от него другие пошли, а по-том... – Пауза. – Видите, как у них все запущено.

Эмоции в ней через край бьют, подумал я. Темперамент-ная! С такими проще – они не умеют держать в себе секреты, излагают начистоту.

– Но тогда, может быть, ничего этого на самом деле нет? Ни огней, ни человечков серебристых... Привиделись ва-шим вогулам менквы, отсюда и молва пошла. А тот оборва-нец от апоплексии коньки отбросил.

Олимпиада потемнела личиком, отрицательно тряхнула косами.

– Нет. Я сама видела... и огни, и серебристых... Это не выдумки. И еще кое-что попадалось, но не скажу. Все равно не поверите. Спокойной ночи.

Ничего более не добавив, она ссыпалась по лестнице.

Я заперся изнутри и лег на подстеленное покрывало. На чердаке было уютно, прорехи обеспечивали достаточную вентиляцию, а печная труба – обогрев. Что еще надо для без-мятежного сна? Но уснуть получилось не сразу. Мешали на-секомые, заставившие вспомнить любимое выражение Его-ра Петровича, а пуще того беспокоили неотвязные думы о событиях, приведших меня к уральским отрогам. Хотя что было о них думать? Аналитического материала у меня – на комариный чих. Какие-то мутные рассказы, безграмотная

докладная участкового надзирателя, вогульские мифы... На столь шатком фундаменте достоверную теорию не построишь. А значит, и мозги ломать незачем. Будет день, будет и пища, как говаривали наши политически отсталые, но неглупые предки.

Я унял народной мудростью свою разгулявшуюся фантазию и кое-как уснул. Сон, однако ж, сморил меня только наполовину – я видел размытые картинки, туземцев в отрепьях, рогатых сатиров, от которых исходило серебряное сияние, но продолжал слышать все, что творилось вокруг. Вот половицы в горенке всхлипывают, вот шажочки в сенях, лясканье ключа... Куда собралась моя хозяйка в неурочный час? Глянуть бы, но истома сковала мышцы, лень стряхивать ее с себя, пробуждаться. В конце концов, кто я тут – надсмотрщик? Знаком с Олимпиадой без году неделя, и нет мне заботы до того, где и с кем она коротает ночи...

* * *

На рассвете в дверь чердака загромыхали кулаки, и сквозь щели просочился зычный голосина Егора Петровича:

– Эй, консультант! Дрыхнешь? Вставай, клопа тебе в онучи!

Я поднял голову от шинельной скатки, но не сразу пришел в себя после сонной одури.

– Что... уже девять? Я проспал?

– Нет... У нас чэпэ. Вылазь, раскажу... гхы, гхы!

Я по-армейски шустро засупонился и спустился во двор, где обнаружил вместе с Кудряшом долговязого милиционера с румяной физией и растрепанной шевелюрой.

– Птаха, – представил его Егор Петрович. – Получил сегодня сранья донесение от трудового крестьянства. Сейчас изложит.

Надзиратель отреагировал судорожным кивком и завел испорченную пластинку:

– Н-н-н-на к-к-к-лад-д-д-д-б-б-б...

Егор Петрович прервал досадливо:

– Да не мычи ты, клопа тебе в онучи. Давай как заведено.

Птаха выудил из кармана галифе белую грифельную досочку и угольным карандашиком начал что-то на ней писать.

– Контуженный, – сочувственно прокомментировал Егор Петрович. – Снарядом шарахнуло, мало в посмертные списки героев не угодил... гхы, гхы... Ничего, оклемался, только зайкой стал.

Участковый повернул дощечку так, чтобы мы могли прочесть написанное.

«На кладбисче магилу разрыли, украли пакойника», – разобрал я куропись, знакомую по вчерашнему докладу.

– Что за могила? Поподробнее можно?

Птаха замахал крыльями... пардон, руками. Разразился клеткотом:

– Т-т-т-там м-м-м-от-т-т-т...

– Он все на месте покажет, – перевел Егор Петрович. – У него мотоциклет есть, живо домчим.

Техническая оснащенность усть-кишертской милиции меня подивила. Я рассчитывал на телегу с клячей, а тут на-те вам – британский «Блэкберн» с рессорной рамой, трех-ступенчатой коробкой передач и слегка разболтанной, но сохранившей свою целостность коляской. А впрочем, есть же у них автомобиль – тот, на котором меня вчера с ветерком прокатали от станции. Почему бы не быть и мотоциклу?

– Откуда богатство?

– У Колчака отбили. Птаха – не смотри, что увечный. У него руки откуда надо растут, клопа ему в онучи. Подлатал, подшлифовал... Бегает машинка! Гхы, гхы...

Взгромоздились мы все втроем на механическую конягу, Птаха нацепил очки-консервы, ударил по газам, и колеса с пневматическими шинами пошли наматывать деревенскую грязь. «Блэкберн» за считанные секунды разогнался верст до тридцати в час. Мог бы бежать и быстрее, но сметливый надзиратель не увеличивал скорость – учитывал рельеф местности. Мне досталось заднее сиденье, и я подскакивал на нем, будто участвовал в тexasском родео. Егору Петровичу, сидевшему в коляске, приходилось не легче – на каждой колдобине он постанывал, бранился и сплевывал за борт.

Райцентр мы проскочили молниеносно и ворвались в изумрудные облака березовой рощи. За ними потянулась луговина, она сменилась болотными кочками. Венец путеше-

ствия – заросший погост с перекошенными крестами и ободранными памятниками, на которых виднелись выбоины от пуль. Под Пермью, как я читал в новейших учебниках истории, шли жестокие бои с белогвардейщиной. Не обошли они стороной и местечки вроде Усть-Кишерти.

Участковый Птаха заглушил двигатель и затарахтел:

– П-п-п-п...

– Приехали, шабаш, – закончил за него Егор Петрович и выпростался из коляски.

Да, поездка далась ему тяжело. Он долго стоял, скособочившись, массировал свои филейные части и откашливался. А я тем временем смотрел, куда это мы прикатили. Могилки производили впечатление заброшенных, нигде не видно свеженасыпанных холмиков, а лопухи над гробницами кое-где вымахали на целый метр.

– Это старое кладбище, – прокряхтел Егор Петрович, через силу разгибаясь. – На нем, почитай, лет двадцать не хоронят. – И со скрежетом поворотился к Птахе. – Где, говоришь, разорили?

– Т-т-т-т-т...

– Понял, найдем.

Следуя указаниям надзирателя, мы перешагнули через поваленную ограду, продрались сквозь репейник и очутились возле разоренного захоронения. Чернела выкопанная яма, подле нее валялся столбик с треснувшей перекладиной, там и сям были раскиданы куски гранитной плиты.

– Кувалдой поработали, ироды, – заключил Егор Петрович. – А то и ломом, kloпа им в онучи.

Я недоумевал. Чего ради кому-то вздумалось курочить старую могилу и почему субинспектор ЦАУ посчитал это событием, достойным внимания сотрудника ОГПУ?

Первым делом надо было установить, кого, собственно, вырыли. Карандашик Птахи затанцевал по доске, и вскоре мы узнали, что имя погребенного было Кушта, в православии Константин, происходил он из вогулов, в эру махрового царизма считался у них главным вождем, шаманом, гуру и прочая и прочая. Вогулы со своими оленьими стадами вольготно кочевали с севера на юг и с востока на запад, Кушта умело направлял их к пастбищам, предостерегал, лечил от болезней снадобьями и предсказывал погоду. Но однажды этот великий человек объявил, что на него снизошла благодать и он не желает больше поклоняться идолищам, а переходит в лоно истинной религии. Вопреки уговорам он отбилсЯ от племени, осел в Усть-Кишерти, принял крещение и до конца своих дней юродствовал на паперти. К его надгробию пару лет паломничали как христиане, так и бывшие сородичи, но насаждение здорового атеизма положило конец поклонению, и народная тропа стала зарастать.

Однако сыскался некто, дерзнувший потревожить позабытые мощи.

– В гробу имелись ценности? – приступил я к дознанию по всем правилам.

Птаха отписал, что не только ценностей, но и гроба как такового не было. Кушту-Константина похоронили самым бедным чином, поскольку из частной собственности при нем не нашли ничего, кроме ветхих обносков.

– Так чего ж ты тогда бучу поднял... гхы, гхы? – запыхтел Егор Петрович. – Растолкал меня ни свет ни заря, клопа тебе в онучи...

– С-с-с-с-с-с... – просвистел Птаха, и его карандашик вновь забегал по дощечке.

Оказалось, участковый через своего фискала получил уведомление о том, что вогулы готовят ритуальное действие – не исключено кровавое, – и произойдет оно нынче ночью, в разгар полнолуния. Птаха не сомневается, что осквернение могилы – часть подготовки к этому ритуалу. Потому и оповестил нас со всей возможной поспешностью.

Если он рассчитывал на поощрение, то чаяния его не сбылись. Егор Петрович не то что не похвалил, а еще и напустился на него, как на нашкодившего гимназиста:

– Клопа тебе в онучи! Видно же, что этого юродивого неделю с лишком как вынули. Вон и вода в ямище, и земля успела травинками подернуться... Какого бельмеса ты только сейчас zenки продрал... гхы, гхы... когда уже давно надо было всех твоих архаровцев в ружье подымать!

«Дажди шли, – зачирикал обруганный Птаха. – Дароги непролазные, не падайти. Никто не видал».

– Остолоп! – отгрузил ему Егор Петрович уже менее зло-

биво и, прихватив ладонью поясницу, присел на корточки. – А следок-то отпечатался... Почем знаешь, что вогульский?

Я тоже заметил оттиски подошв возле разоренного погребалища. Обувь явно не фабричная, скроена вручную из кож, грубые стежки отобразились четко. Птаха указал Егору Петровичу на особенности индивидуального пошива вогульских сапог. Тот, насколько я смог понять, уже пришел к каким-то выводам, соизмерил их с услышанным, согласно покивал.

– Вот же ж нехристи, клопа им в онучи... А филер твой не донес ли, где они на свою гулянку соберутся?

– У к-к-к-к-к...

– У камня? А, ну это я знаю... гхы, гхы... – И, поймав мой вопросительный взгляд, разжевал для непонятливых: – Есть такой камень, он у вогулов священным считается. Они когда оленей своих по Уралу гоняли, всегда возле него стоянки делали.

– Далеко отсюда?

– Верст сорок по прямой. На драндулете быстренько до-мчим.

Но помчали мы сперва не к камню, а назад в райцентр. Умудренный жизнью Егор Петрович рассудил, что перед тем, как пускаться в экспедицию, которая может затянуться надолго, лучше всего перекусить. Он еще не завтракал, а я и не ужинал, поэтому возражений его слова не вызвали. Мы вернулись в подотдел и на троих прикончили остававшийся

в кастрюле вчерашний борщ, который был воистину хорош. С солдаткой Егору Петровичу повезло.

За едой я выдвинул гипотезу, сформировавшуюся еще накануне: не являются ли все эти паранормальные видения – огоньки с серебристыми миражами – хулиганством вогулов?

Егор Петрович выслушал, прочавкал скептически:

– На кой им ляд хулиганить?

Я сослался на свое участие в экспедициях, исследовавших малообжитые земли. Коренные народности, проживающие на определенной территории, не любят, когда к ним приходят чужие, в особенности иноверцы, и разными способами стараются их вытурить. Сделать это силой получается редко, и в ход идут всевозможные ухищрения: обман, запугивание и так далее. Может, и вогулы таким макаром норовят прогнать русских из своей вотчины?

– Сразу видно, что не бывал ты у нас, – зашамкал Егор Петрович с набитым ртом. – Не подкован, матчасть не изучил... Возьми у Липки книжки краеведческие, полистай для общего развития. Земли эти вогульскими никогда не были, здесь то волжские болгары хозяйничали, то монголо-татары, клопа им в онучи. А русские лет восемьсот назад пришли, и изгонять их отсель – дурь несусветная...

Застыдил он меня, подавил своей образованностью. Однако от гипотезы своей я не отрекся, ибо знавал некоторых шаманов с амбициями. Они бы в сумасбродстве ни перед чем не остановились, дай им волю.

Плотно подкрепившись, мы оседлали «Блэкберн» и двинули к самой крупной реке Кишертского района – Сылве. На ее берегу как раз и обретался тот самый камень вогулов. Ехали большей частью по бездорожью, мотоцикл пару раз увязал в топких лужах, приходилось слезать и выволакивать его на сухую твердь. Птаха придерживал своего мустанга, не давал ему разогнаться. А если б и дал, то это вряд ли бы что-то изменило – разве только влетели бы на скорости в рытвину или в липучую кашу и перевернулись к чертовой матери. Хорошо еще, английская техника была сделана на совесть, выдержала все прелести российской пересеченной местности.

До камня добрались уже в сумерках. Спешились, перевели дух. Егор Петрович минут десять стонал, не мог распрямиться. А я подошел к древней вогульской святыне, осмотрел ее, сравнил в воображении с глыбами, виденными на Крайнем Севере. Они тоже были испещрены рисунками и руническими письменами. Все-таки есть что-то общее в культурах полудиких народов Европы и Азии – и тотемы у них схожи, и мифология, и мировоззрение. Напрасно Егор Петрович не прислушивается к моим допущениям. Вогулы вполне могли разыграть спектакль с факелами и переодеванием. Может, они даже и умысла злого не имели. Таинство у них такое: шествуют по лесам ряженные, духов ублажают...

Участковый Птаха оказался практичнее меня – ничего не разглядывал, не умоzakлючал. Притопнул каблуком по плохо слежавшемуся грунту возле камня и забухтел:

– Б-б-б-б-б...

– Были они туточки, вижу, – перехватил его мысленный флюид подошедший Егор Петрович. – Ковырялись в земельке, причем не то чтобы давненько, kloпа им в онучи... Есть у тебя заступ?

Надзиратель извлек из мотоциклетной коляски саперную лопатку, поорудовал ею, и очам нашим предстала черепная крышка.

– А вот и юродивый... гхы, гхы... Сменил, значица, прописку.

Сопоставив факты, я воздержался от споров. Все указывало на то, что Егор Петрович прав. Череп изъеден тлением, ни о каком свежем убийстве речи не идет. Но сейчас ровным счетом не имело значения, кто здесь погребен – Кушта-Константин или другой покойник со стажем.

«Капать глыбже али как?» – начертал Птаха на дощечке.

– Баста. Ничего там нет для нас познавательного... гхы... Засыпь, как было, заровняй, и айда, хлопцы, в засаду. Застукаем их, когда на гутьбище придут.

Мы откатили «Блэкберн» в камыши, там же и залегли. Более надежного укрытия в непосредственной близости не нашлось. Когда совсем стемнело, от реки потянуло сыростью, нещадно жалили комары, зато священный валун был перед нами как на ладони.

Перед выездом сюда я выпросил у Егора Петровича оружие. Он не скарденничал – выдал мне из личных запасов но-

венький, весь в смазке, самозарядный пистолет, чем-то похожий на бельгийский браунинг, но во многом отличный от него. Я таких раньше не видел.

– Для гостей ничего не жалко, – с радушной улыбочкой заявил Егор Петрович. – По благу из Тулы прислали. Есть там конструктор-умелец... гхы, гхы... Прилуцкий, клопа ему в онучи. Он эту штуkenцию еще до войны смастерил, теперь дорабатывает. Выпустили опытную партию, передали в армию для испытаний. Ну и мне перепало... Бьет на полсотни шагов, в магазине девять патронов. Пользуйся! А я уж по старинке, с наганчиком...

Я грел в руке маслянистую рукоятку и не спускал глаз с камня. Благодаря своей зоркости видел его до трещинки, да так увлекся разглядыванием этих самых трещинок и сколов, что чуть не прозевал появление главных действующих лиц. Они отделились от стоявшего поодаль ельника и направились к камню. Пятеро, на плечах серые накидки, каждый шаг сопровождается негромким бряканьем. Несут продолговатый сверток... нет! Это человек, закатанный в подобие ковра: с одной стороны торчат ноги в башмаках, а с другой – голова с нахлобученным на нее мешком. Человек молчит, но он жив – это можно определить по дерганью стоп.

– Ц-ц-ц-ц... – зацокал Птаха нервически.

– Цыц! – оборвал его Егор Петрович свирепым шепотом. – Не спугни!

Люди в накидках свалили ношу под камнем, аккуратно там,

где были закопаны останки Кушты. Тихо-тихо посовещались на непонятном мне языке, встали кольцом, и самый высокий из них выдернул из-за обвитого вокруг бедер ремешка саблю. Да! Подлинную, кавалерийскую, еще и наградную, судя по золоченому эфесу. Не иначе прибрал у убитого офицера-беляка.

Мы и ахнуть не успели, как она взлетела и опустилась на лежавшего. Его голова в мешке мячиком отскочила вбок. Палач и его четверо помощников взревели, а мы, не стовариваясь, дали по ним залп. От волнения попали только в одного, и то не насмерть. Он скукожился, схватившись за предплечье, упал на колени, остальные приснули кто куда.

– Стоять! – мамонтом вострубил Егор Петрович. – Уголовный розыск!

Кто б его послушал! Вогулы, за исключением раненого, сосались в ельник – только мы их и видели. Птаха рванул за ними, стреляя наобум Лазаря, а мы с субинспектором подбежали к мученику, что на наших глазах лишился самого ценного.

Однако нас отвлек задетый пулей вогул. Он повалился на землю и катался с боку на бок, зажимая кровоточащую рану. Егор Петрович вздернул его за шиворот, рыкнул мне:

– Нам теперь этого субчика для суда сбережь надо, клопа ему в онучи! Через него и на сообщников выйдем. Они у нас ответят... гхы, гхы!

Я дал вогулу подзатыльник и, невзирая на скулеж и со-

противление, оторвал рукав его замурзанной рубахи, сделанной из растительного волокна. Ранение оказалось пушечным – свинец пробороздил мякоть, кость не задета. Если унять кровь, то через неделю-другую все заживет. Я разодрал оторванный рукав на полосы, скрутил из них жгут, перетянул вогулу руку ниже локтя. Он уже не скулил, тарасился на меня выпученными глазами. Не вязалось у него в мозгах, почему тот, кто только что в него стрелял, теперь оказывает ему первую помощь.

Но и у меня ум зашел за разум, когда я услышал рядом тоненькое повизгивание. Такие звуки не могли издавать ни Егор Петрович, ни Птаха, а соплеменников моего пациента уже и след простыл. Я глянул вниз и обмер. Обезглавленный пленник дрыгал ногами, силясь выпутаться из своей упаковки. Это бы, положим, не вогнало меня в оторопь – известно же, что петух с отрубленной башкой даже бегать способен, – но из недр ковра, или что оно там было, доносился тот самый визг, который оторвал меня от медицинской процедуры.

Миг спустя из визга вылупились слова:

– Выпустите! О! Дышать нечем!

Как можно было дышать и тем более говорить, не имея ни носа, ни рта?.. Мне стало не по себе, я забыл и про вогула, и про перевязку, метнулся к своему старшему напарнику.

– Что это, Егор Петрович?

Субинспектор, разом спавший с лица, вытер с плечи испарину и коротко бросил мне:

– А ну-ка... разматаем его!

Мы раскатали ворсистую оболочку, и из нее вывалился совершенно целый человек, ростом ниже среднего, в очочках, с прилипшими к потным щекам соринками. Он был одет в мятую цветную сорочку, потертый пиджак и парусиновые штаны, без заплат, но с бахромой и пятнами от дорожной грязи – свидетельство того, что их хозяин исходил немало верст.

Увидев нас, он приподнялся, набрал полную грудь воздуха, но вместо благодарности выдохнул:

– Что вы наделали?! О! Кто вас просил?..

Глава II

где повествование продолжает субинспектор первого разряда Егор Кудряш

Не, ну вы серьезно? Какой из меня писатель, клопа вам в онучи! Курам на смех...

Ладно, перескажу как сумею. Только уговор: не плеватьсь и рыло не воротить.

Признаюсь вам по-честному, когда этот безголовый верещать начал, я чуть не обделался. Гляжу, и столичник – белый весь, как штукатурка. Но потом-то выяснилось, что голова, будто бы отрубленная, – не голова, а тюк с тряпьем. Не тюк даже, а так – тючок. Говоря коротко, разыграли нас вогулы, устроили представление, а мы и повелись, пельмени ушастые.

Я того, который из ковра вылез, спрашиваю:

– Ты кто такой будешь? По доброй воле или силком тебя в эту рванину закатали?

А он мне:

– Я этнограф. Зовут меня Байдачник Антон Матвеевич. Если убедиться желаете, вот вам документ. О!

И показывает мне командировочное удостоверение. Вы-

дано педагогическим факультетом Пермского госуниверситета. Все чин по чину: номер, печать, две подписи – декан Будрин и ректор Седых. Я в Перми давно живу, профессоров этих знаю персонально.

– Как там, – спрашиваю, – Семен Николаевич, клопа ему в онучи?

Семен Николаевич – это ректор. Папаша у него – статский советник, в губернском акцизном управлении отирался, но сынок не в него пошел. Большевик истинный, при нем рабоче-крестьянского студенчества в университете вполовину больше стало, и почти все – комсомольцы и коммунисты.

Байдачник мусор с пиджака счистил и между делом рассказал, что ректор жив-здоров, но в скором будущем в Москву переезжать собирается, его в Академию наук залучили, он ведь тоже по части всякой там этнографии и антропологии дока первостатейный.

Гляжу я, что не врет очкарик. Веду далее: как, дескать, в ковер попал? И что это за шапито такое? Тут я поднимаю тючок с тряпьем и показываю ему.

Вы бы видели, как он вызверился!

– Во-первых, – цедит мне сквозь зубы, – это не ковер, а кошма. Она в ходу у кочевых народов, которые имеют дело с крупным рогатым скотом. Бывает простая, бывает с орнаментом. Видите? На этой узор. Значит, она используется не в хозяйственных, а в культовых целях. А во-вторых... как, кстати, ваше имя-отчество?

– Егор Петрович.

– А во-вторых, Егор Петрович, вы мне сорвали ценнейший научный эксперимент. У вогулов, как у многих самобытных народностей, есть ряд церемониалов, которые человеку иного культурного склада кажутся эксцентричными, даже дикими. Моя задача – собрать как можно больше примеров, систематизировать их, классифицировать и дать им логическое толкование. О! В частности, у этих замечательных аборигенов существует красивый обычай – призывание милости высшего божества Нуми-Торума. Мне разрешили не только посмотреть на это действие, но и поучаствовать в нем. А вы все испортили!

И понес, и понес, да с присвистом, на нерве. Особенно меня это его «О!» бесило – он его куда ни попадя совал. А голосок писклявый – как у ребенка. Понятно, что такого клоуна в преподаватели не поставят – студиозусы его переорут и шапками закидают. Ему только по экспедициям и шастать. Но с другого боку посмотреть – не робкого десятка парнишка. Из города уехал, к лесному народцу прибился – и все ради науки!

– Ты где живешь-то, клопа тебе в онучи?

Он опять затараторил. И ежели ему верить, то прям Миклухо-Маклай получается. Месяца четыре тому назад, еще по зимнему времени, внедрился к вогулам. Язык ихний он в университете выучил, шпарил, как на родном (в этом мы скоро убедились). А еще покори́л их тем, что всех божков

вогульских знал наперечет и легенду о сотворении мира гагарой пересказывал, как «Отче наш». То есть по первости они его малость чурались, но потом почти за побратима приняли. Он пять тетрадок извел: записывал их сказки, песни, прибаутки, словом, всяко-разный фольклор. А что еще этнографу надо? Хуже обстояло с обрядами – это справа деликатная, к ней абы кого не подпускают. Но он и тут исхитрился – прошел что-то вроде экзамена: чашу медвежьей желчи выпил, сырым опенком зажевал, голышом на муравейнике посидел – короче, стал своим в доску. И удостоился чести быть допущенным к церемонии ублажения наивысших сил.

Церемония был двухфазная. Первым пунктом вогулы прах своего сородича Кушты под священный камень перенесли. Это им вроде как с небес посоветовали, ибо негоже вожаку, который для них уже былинным героем стал, как для нас Илья Муромец или Добрыня Никитич, на мирском кладбище лежать. Пускай он и крещеный, и от родни отколовшийся – прежних-то его заслуг это не умаляет. Строго говоря, они его косточки для того и перезахоронили, чтобы мятежную Куштиную душу в лоно отеческой веры возвратить.

Но шут с ним, с Куштой, клопа ему в онучи. Второй пункт программы куда как забавнее был. В старину вогулы Нуми-Торуму человеческие жертвы приносили, это было в порядке вещей и никем не осуждалось. Наоборот, поощрялось. Но с тех дней много воды утекло, народцы уральские и сибирские кровожадность поубавили, добрее стали или,

как в книжках выражаются, гуманнее. Отказались от смертоубийств и заменили их лицедейством – чтобы все, как раньше, происходило, но без душегубства. Ладят они куклу из кошмы и лоскутьев, а вовнутрь человека сажают – это для пущего эффекта. Он блажить должен, культяпками сучить – будто ему и впрямь баклушку отсекают. Тогда Нуми-Торум поверит и ниспошлет благодать.

По крайней мере, очкарик нам именно так все обсказал. За детальность не ручаюсь, я в этих пережитках прошлого не мастак.

Смотрю, столичник Арсеньев заинтересовался. Он, пока этнограф языком чесал, раненому вогулу оглоблю перевязывал. Проворно так, со знанием. Молод совсем, лет тридцать с небольшим, но заметно: успел пороху нюхнуть и что такое фронт, знает не понаслышке. Уважаю.

Закончил он, значит, перевязку, вогула по плечу похлопал: извини, дружище, промашка вышла. И в наш с очкариком разговор свои две полушки вставил:

– А зачем вашим новым закадыкам милость Нуми-Торума? Они ее просто так выпрашивают или по какой-то конкретной надобности?

Очкарик чуток покочевряжился, перемолвился с вогулом на птичьем наречии и сообщил нам, что о таких интимных материях распространяться не положено, но для нас он делает исключение. При этом обратился не к столичнику, а ко мне. Посчитал меня главным, и правильно.

– Видите ли, Евгений Павлович...

– Егор Петрович я.

– О! Простите, Егор Петрович, это профессиональная рассеянность. Когда вот здесь, – он постучал себя по лбу, – хранишь целую энциклопедию, банальностям попросту нет места.

Это я-то банальность? Ах ты глист!

– Что касается вопроса о жертвоприношениях, то Санка, – кивок в сторону вогула, – позволил мне дать некоторые пояснения, дабы избежать недоразумений, подобных сегодняшнему. Благословение Нуми-Торума необходимо вогулам для того, чтобы найти Золотую Старуху.

– Кого?

– Не кого, а что. Это кумир всей Западной Сибири, предмет поклонения в образе женской статуи с ребенком на руках. Впервые о Золотой Старухе упоминает еще в тринадцатом веке скандинавская «Сага о Святом Олафе». О! Иностранные исследователи считали ее изваянием римской богини Юноны, которое каким-то неведомым образом попало на Урал. Но уже в нашем столетии русский лингвист Трубецкой доказал, что это изображение богини-матери вогулов...

Тут и раненый наш завохтал:

– Сорни-эква! Сорни-эква!

Очкарик милостиво на него поглядел, поддел ноготком окуляры.

– Санка подтверждает мои слова. Золотая Старуха – соб-

ственность его единоплеменников, их фетиш. К сожалению, никто в точности не знает, где она находится. Ее спрятали боги, да так надежно, что без гласа свыше отыскать невозможно. О! В отдельных устных преданиях говорится даже, что она обладает способностью самостоятельно передвигаться с огромной скоростью. Только что была в одном месте, а потом – глядь! – уже в другом. Вам знакомо понятие «дезинтеграция»?

Столичник губами пожамкал, проехался на буквах «р» – раскатисто, с выражением:

– Р-разумеется. Попадалось в литературе. Это когда объект р-разбирается на атомы и мгновенно собирается где-нибудь за тридевять земель. Кажется, у Митчелла в р-рассказе было. И у Конан Дойля.

Начитанный! А мне, лапотнику, и невдомек, что это такое – «дез-ин...». Как там дальше-то?

– Вот-вот! Но это все фантастика, я ее презираю и в отличие от вас читаю серьезные книги... О! – Очкарик шейку цыплячью вытянул, уж очень ему хотелось на нас сверху вниз посмотреть, подчеркнуть, что он великан, а мы пигмеи. – Золотая Старуха, если она наличествует в природе, сама собой перемещаться, конечно, не может. Но у нее вполне могут быть хранители, чьи функции передаются из поколения в поколение. Насколько законны их права? Вогулы полагают, что могли бы обойтись с ней не хуже. И любыми путями стремятся ее заполучить. Метод задабривания духов

посредством обрядовых церемоний, бесспорно, наивен, но он представляет интерес для той области знаний, которой я занимаюсь...

– Сорни-эква! Акынь! – раскудахтался Санка. – Ворнэ!

– Он же вроде по-русски умеет, – заметил столичник. –

Олимпиада говорила, что учит его и еще нескольких...

– Умеет, но от боли и переживаний все выученное растерял. Такое с ним бывает... О! Теперь понятно вам, Валентин Степанович, для чего этот цирк? – И очкарик поддел башмаком скомканную кошму.

– Понятно. Только я Вадим Сергеевич.

– Да какая разница! У вас еще остались вопросы или вы позволите нам удалиться?

Тут и участковый подошел – понурый, расстроенный. Впустую ельник исходил, вогулов как корова слизала. Еще бы! Они – мастера в лесу ховаться, это для них дом родной, клопа им в онучи. Я Птаху ругать не стал – не за что. Но и этих двоих – очкарика с Санкой – отпускать не хотелось. Имелись у меня к ним еще вопросы, однако продолжать тары-бары надо было не здесь, а в казенной обстановке, под портретом Феликса Эдмундовича. Там, глядишь, по-другому запоют.

А вслух я сказал:

– Куда это вы, братцы мои, намылились? С эдакой раной ваш Санка заражение крови схлопотать может, в особенности если знахари лесные начнут его подорожником пользо-

вать и целебным дымом окуривать. Ему фельдшер нужен, а еще чистый бинт, вата и йод. Или вам, товарищ этнограф, все равно, что с ним станется?

Санка хваталку свою обмотанную покачал, как дитятю, и проныл: «Аю-аю!» Я вогульским не владею, но и без перевода ясно было, что ему больно.

Договорились, что все вместе едем в райцентр. Но вот незадача – таратайка у Птахи вмещала только троих. Я подумывал, не отправить ли его с очкариком и Санкой вперед. Ночи стояли теплые, мы бы со столичником развели на полянке костерок, нажарили сыроежек и пересидели бы до утра. У меня и фляжечка заветная со спиртом на поясе болталась. А на зорьке Птаха бы за нами приехал.

Однако Санка повернулся к лесочку, зыкнул по-особенному, и оттуда олень выбежал. Можно сказать, таксомотор по вызову. Очкарик с вогулом на него взгромоздились. Я предлагал Санке в мотоциклетную коляску сесть, но он – ни-ни! Тарахтелка наша и так его пугала, он к ней ближе чем на сажень не приближался. Сел, значит, на свою животину, поводья здоровой рукой подобрал, а очкарик за ним сзади пристроился – ему это, как я подметил, не впервой было, сидел, как арабский шейх на верблюде.

Уморительная, признаться, вышла картинка. Скачем мы по яругам на бензиновой колымаге, она бьется как припадочная, выхлопом смердит, а за нами – тюх, тюх – олень рысит с двумя седоками. Покладистый такой, смиренный, ни треска,

ни вони не боится. Птаха специально не гнал, чтобы строй наш не растягивался.

Отмахали мы таким порядком верст пять. Было уже часа три ночи, небо тучами затянуто, чернящее, как антрацит. Хорошо еще у мотоциклетки фара есть, путь нам освещает.

И вдруг – клопа мне в онучи! – вижу я еще один огонек. Да не один, нет – три или четыре. Низко так, над сосняком плывут. Что бы это могло быть? Вспомнил я побаски про сатанинские наваждения, руку из коляски высунул, столичника за полу дергаю. У него глаз феноменальный, ему что свет, что потемки – все едино.

– Что это там? – спрашиваю. – Звезды падучие или живность какая?

Но какая может быть живность, чтобы, как люстра, сияла? Он на Птахины плечи руками оперся, приподнялся над сиденьем.

– Нет! – кричит (у меня от моторной трескотни аж уши закладывало – попробуй-ка, перекрой ее!). – Это что-то круглое, большое... Ничего подобного не видел никогда. Подобраться бы поближе, а то снизу деревья закрывают, плохой обзор!

Я вперед наклонился, Птаху макушкой боднул:

– Поднажми! Догоним!

Эта штука летучая двигалась небыстро – верст десять в час. Была б дорога получше, мы бы ее на нашем мотоходе враз настигли. Птаха газу прибавил, заколотило нас, как ко-

сти игральные в стакане. Я наган приготовил – мало ли что. Столичник тоже пистолет достал, но стрелять мы пока не стреляли – надо же было понять для начала, кого преследуем.

Позади нас загорлопанил кто-то, да так громко, что я и через моторный рев услышал. Обернулся – а это Санка на олене, поводья бросил, култышку свою перемотанную к облакам воздел, вопит дурным голосом, в летающий кругляш тычет. А очкарик ему на ухо пищит и пытается узду поймать, потому как олень бежит неуправляемый и все больше от нас отстает.

В следующую секунду ночь как будто кинжалом распорол – зарево полыхнуло, и я уже на Санку с очкариком не смотрел – повернулся опять к летуну и увидел, что весь он молниями опутан, сверкает, пыхает, искры брызжут... Понял я, что нас заметили и теперь эта тварь – а как ее еще назвать? – осерчала, норов свой выказывает. Того гляди шамальнет чем-нибудь, испепелит дотла, как Змей Горыныч, клопа ему в онучи.

– Пли! – командую, как на артбатарею.

Мы со столичником врезали из двух стволов. Но это, скорее, для острастки, потому что между нами и той штуковиной саженой полста было – разве попадешь, когда тебя, как на батуте, подбрасывает? Да и пули вряд ли до цели долетели – дальность не та.

Я в азарт вошел, Птаху подгоняю:

– Шуруй, мать твою! Упустим – расстреляю к чертовой бабушке, как саботажника... гхы, гхы!

Это я, конечно, в запале, не всерьез. Птаха и так старался, жал на всю железку. Ну и случилось то, что должно было случиться – налетел наш тарантас с разгону не то на корень еловый, не то на каменюку. Хрястнуло в нем, взбрыкнул он, как жеребец, и перекувырнулся через руль, а мы, точно вишневые косточки из рогатки, повывлетали со своих мест, и кто куда – я в лисью нору по плечи, а Птаху со столичником по кустам раскидало.

Будете смеяться, но ушибся я несильно. Отполз на карачках к мотоциклету, который колесами вверх валялся, смотрю: соотрядники мои тоже не пострадали, только у Птахи губа колючкой от шиповника располосована. А подле нас уже Санка с очкариком спешиваются, бегут выручать.

Двигатель мотоциклетный заглох, и в тишине донесся до нас гул, басовый такой, с клокотанием, словно вода в большущем чане кипит. Видим: хреновина летающая во все лопатки от нас удирает и все так же вспыхивает, хлопа ей в онучи. Зрелище, доложу вам, поразительное – как в синематографе! Но не до развлечений нам сейчас. Столичник первым прочухался, оленя за шлейку словил, гаркнул мне:

– Егор Петрович, лезьте сюда! Еще не все потеряно!

Это он верно смикитил. Хрень гудящая над самой чащобой летела, чуть верхушки не задевала. На мотоциклете мы бы за ней по такому пейзажу шиш угнались, а олень – он всю

жизнь по мшанику меж деревьев бегаёт, ему привычно. И скоростишка у него – будь здоров. За час может верст шестьдесят покрыть, что твоя скаковая лошадь...

Встал я с карачек, и тут повыше задницы как стрельнуло! Охнул, скрючился, за ивовый побег ухватился.

– Не могу... Давайте вы с Птахой. На раз-два!

На раз-два не получилось. Взвился наш олень ни с того ни с сего на дыбы, а после ноги у него подкосились, и упал он замертво. Санка подковылял к нему, шею потрогал и лопочет:

– Хана! Салы кирдык...

И без толмача понятно.

Очкарик бельма выпялил, волосенки взлет.

– Как же так? Загнали мы его, что ли? Не может быть!

Олень вынослив, он в состоянии преодолевать гигантские дистанции... О!

Я, признаться, тоже озадачился, а Птаха губу листиком кленовым зажал, на подбородке у него слюна с кровяной пузырится. Загоготал, как гусак:

– Г-г-г-г-г-г...

Это в смысле гляньте. И на хренотень блескучую показывает. А она, подлая, кажись, допетрила, что ничем мы ей теперь не угрожаем, повертелась немного, погасла да и за опушку – ш-шух! Минут пять мы еще ейный стрекот слышали, потом и он стих. Как не бывало ничего.

Столичник к оленю издохшему подошел, по шерсти его

погладил зачем-то, в глаза заглянул остекленелые.

– Странная смерть... Не смахивает ли, Егор Петрович, на случай с Грошиком?

Не хотелось мне скоропалительных суждений высказывать: промычал, что-де проверка нужна, экспертиза и так далее. А сам мозгую: какая, в дупло барсучье, экспертиза? Кто ее проведет? В город тушу десятипудовую поди дотащи. В телегу она не влезет, разве что в полуторку, и то не факт. Но с грузовиками в Кишертском районе не ахти, мне покамест ни один не попадался.

И не об олене надо думать, а о том, как в райцентр попасть. Участковый со столичником мотоцикл перевернули, оценили повреждения. Птаха на доске черканул, что починить починит, но для этого мастерская нужна и инструменты. Так что придется нам отсюда пешкодралом топать.

Деваться некуда, потопали. К восходу кое-как дотелепали до Усть-Кишерти. Вогул подстреленный совсем изнемог, бедняга. Всю дорогу его, как в лихоманке, било – от раны или от того, что с летающей нежитью повстречался. Губищами отвислыми шевелил, вроде как сказать хотел что-то, но не решался. А версты за три до села впал в беспамятство. Мы его в коляску уложили, привязали, чтоб не выпал. Так и дотолкали мотоциклетку вместе с ним до лекпункта. Фельдшерицу разбудили, сдали ей больного с рук на руки. Она ему температуру смерила – сорок градусов! Хоть и неопасно пуля прошла, но крови и сил потерял много.

Птаха конягу поломанную к себе во двор покати́л – там у него мастерская в сарайчике. А мы с этнографом и столичником дальше по улице пошли. Меня в сон тянуло – жуть! Только о том и мечтал, как на топчан завалюсь и прохраплю до вечера. У столичника тоже гляделки слипались, оно и немудрено – ночка выдалась не из легких.

Времени по моему хронометру – половина пятого, едва-едва солнце проглянуло. Вдруг видим, как вдоль заборов поперед нас Липка семенит. В шальку закрутилась, на волосьях косынка приметная, я сразу узнал. Куда это добропорядочную деваху в рань понесло?

Переглянулись мы со столичником и нагнали ее. Не ждала она нашего появления, оробела, ресничками пушистыми замигала.

А я ей:

– Ты чего не спишь, клопа тебе в онучи? Иль до зари тетрадки в школе проверяла?

Забубнила она, да все невпопад. Мигрень, в избе душно, не спится, вышла по росе погулять, извилины проветрить... Кто ж такой чепуховине поверит!

Наладился я ее в оборот взять, чтоб неповадно было представителям власти макаронные изделия на слуховые органы навешивать, но столичник возьми да и брякни:

– Полно вам, Егор Петрович! Олимпиада Юрьевна – женщина взрослая, интеллигентная. Имеем ли мы право ей недоверие оказывать? И в чем вы ее подозреваете?

Сбил меня с волны. Если б не посторонние, я бы за словом в карман не полез, дал бы ему укорот, суслику московскому. Но не при очкарике же собачиться! Растриндит потом, что правоохранители между собой свары устраивают – и кто нас тогда уважать будет? Смолчал я, счета на опосля отложил. А сам подмечаю: столичник на Липку, точно мартовский котьяра, уставился. Эге, брат, да ты тот еще юбочник! Потому и защищать ее вздумал – хочешь в глазенках лазоревых благородным предстать. Девки благородных любят, как мухи на них слетаются. Но Липку тебе охмурить сложновато будет, она хоть и сублильная на вид, но характер у нее – ого-го! Она на тебя и не смотрит – мордашку отворотила, шалькой завесилась. Не о благородстве твоём помышляет, а о том, как бы поскорее допрос докучливый прекратить.

– Я свободна?

– Конечно! – Столичник аж расцвел от радушия. – Вас никто и не задерживал... У меня одна просьба к вам: р-разрешите товарищу Байдачнику временно пожить на вашей территории? Он из Перми, университетский профессор, чистоту и порядок гарантирует. Правда, Антон Матвеевич?

Этнограф напыжился, очочками засверкал.

– О! В этом можете не сомневаться, уважаемый Виктор Самойлович, но... Нет ли у вас в райцентре какого-нибудь общежития, желательно с водопроводом и электроснабжением?

Опять все попутал, бестолочь. И что за капризы? Водо-

провод ему подавай! Забыл уже, как в шалаше с вогулами ютился и водой из лужи харю умывал?

– Чего нет, того нет, – отбрил столичник. И снова к Липке: – Так вы не возражаете, Олимпиада Юрьевна?

– Вам разве возразишь? – Она плечиком повела, но не соблазнения ради, а вроде как обреченность выказала. – Берите его к себе на чердак, места достаточно...

И шась – за калитку. Тянуло меня столичнику что-нибудь зубоскальное отпустить, но поленился, от зевоты скулы свело.

– Покеда, – говорю. – Как проспитеесь, заходите ко мне оба-два. Погутаим... гхы, гхы...

И отправился на боковую. Сморило в момент, но сон был беспокойный, рваный. То в закорках кололо, то в груди хлюпало. Слышал, как солдатка моя корову доить пошла, звякала в хлеву ведром. А когда часы настенные девять пробомкали, забарабанил кто-то в оконницу. Я от подушки отклеился, лупаю спросонья – а это Птаха, стоит снаружи и рожи мне корчит, во двор зовет.

Я, как был, в кальсонах, весь помятый, вышел, а у него уже каракули заготовлены. Читаю:

«Вагул ачнулся, требует вас. Хочит сказать чаво-та».

– А тебе почему не сказал?

«Просит вас. Боицца».

– Эх, Птаха, Птаха! Советский милиционер, а грамотность на нуле, клопа тебе в онучи...

«Што перидать вагулу?»

– Передай, что скоро приду. И вот еще... гхы, гхы... Сходи, разбуди Липку, очкарика и этого... как его... Арсеньева. Пускай тоже приходят. Столичник мне в расследовании помогает, а Липка с этнографом по-вогульски балясничают, будут нам вместо переводчиков, ежели этот Санка опять русский язык с перепугу позабудет...

Грешен я, поспешать не собирался. Держал в уме, что призывает меня не нарком, а дикаришка-язычник. Кто он такой, чтобы я к нему на всех парусах несся? И что он может мне рассказать? Наверняка дребедень какую-нибудь, на поверьях замешанную...

Оделся, физию под рукомойником ополоснул, выпил кружку парного молока, которое солдатка принесла, съел омлет из трех яиц, тогда уж и пошел.

Сельцо к тому времени проснулось, жизнь в нем бурлила ключом, со всех сторон шевеление, петухи заливаются, козы мекают, кони ржут. Даром что народу немного – всего тысяча семьсот с лишком, по прошлогодней переписи, – а все, что надобно, имеется: вон детские ясли, вон молокозавод, а вон райпромкомбинат. Есть где работать, есть куда детей пристроить. Даже клуб с киноустановкой в этом году появился. Исполком постарался, молодцы. Председатель Федяев – толковый мужик, сделал из задрипанного поселочка конфетку. То ли еще будет!

Что до лекпункта, то он находился в здании, где лет трид-

цать назад открыли первую здешнюю лечебницу. Дом каменный, таких в Усть-Кишерти немало, а все благодаря тому, что тут еще до революции кирпич выпускали. И на продажу хватало, и себе на строительство оставляли.

Вошел я в главный корпус, и в ноздри мне сразу больничный дух шибанул. Узенький коридорчик, по правую руку дверь в смотровой кабинет. Заглянул – там фельдшерица, худюшая, как жердина, какой-то бабе в рот заглядывает, просит «а-а-а» сказать. Я спросил, где вогула Санку найти, фельдшерица меня дальше по коридору направила. Там, в конце и налево, – палата для тяжелобольных. Открыл я дверь, через порожек переступил и обмер. Лежит вогул Санка не на койке, а прямо на полу, в пижаме пепельного цвета, крестом раскинулся, а глаза под лоб заведены и уже сохнуть начали.

Ясен перец, поднял я всю больничку на уши, а минут через пять и столичник с очкариком и Липкой подгребли. Липка, оказывается, с утра успела к себе в профшколу сбегать, четыре занятия провести, а в перерыв к ней столичник подвалил, Птахой предупрежденный. Очкарик без них идти не хотел, он в Усть-Кишерти впервые, потому и получилось, что явились они позже меня.

Все натурально в ступоре, никто ни черта не понимает. Столичник первым опамятовался, развел дедукцию с индукцией:

– В случайности я не верю. Это убийство. И убили его,

потому что он р-располагал сведениями, которые могли кого-то скомпрометировать.

Этнограф ручонками всплеснул, чуть очки с носа не свалились.

– О! Я этого вогула очень хорошо знаю. Неглуп, сообразительностью отличался, но какими он мог располагать сведениями? Что-то вы, Владлен Сидорович, перегнули...

За ним и Липка голосок подала, Санка ей тоже не совсем чтобы чужой был:

– Он со мной никогда никакими тайнами не делился. Я думаю, у него их и не было, с его-то простосердечием... Если это убийство, то совсем бессмысленное, ничем не обоснованное, и я...

Оборвалась, как всегда, посреди говорения. А фельдшерица уже Санку мертвого ощупала, сказала, что причин скоропостижной кончины определить с наскока не может, нужно делать вскрытие, а это уже не по ее части. Жмуриков с подозрением на насильственную смерть правилами предписывалось в Пермь отправлять, к патологоанатомам. Так и с Грошиком было, да только все одно точного заключения сделать не сумели.

Я почему про Грошика вспомнил – у Санки, когда его фельдшерица со своим помощником-санитаром из пижамы вытаскивали, на шее пятнышко темное обозначилось, на ожог похоже. Ровно такое же и у того чалдона обнаружили. Не иначе обоих одинаковым способом на тот свет спровади-

ли.

Столичник тоже на этот фактец внимание обратил, по его взгляду ясно было. Но заострять не стал, перевел на другое:
– Кто последним входил к нему в палату?

Правильный вопрос, по существу. Стали припоминать. Птаха на доске начирикал: когда заходил сюда поутру, Санка был живехонек, больничную баланду из миски вкушал. После этого к нему санитар заглядывал, унес посуду, утку поменял, а еще минут через пятнадцать фельдшерица заявила – о самочувствии справиться. Все утверждали, что Санка помирать не думал, на койке ерзал, спрашивал, когда же начальники придут, которым он доложиться хотел. А я, дуботряс, не спешил...

Столичник окна-двери осмотрел, походил по коридорчику, на крылечке постоял и выдал:

– Убить его мог кто угодно. Оконная рама приоткрыта. Следов на подоконнике я, правда, не наблюдаю, но под наружной стеной трава, об нее не особенно запачкаешься. К тому же что мешало преступнику снять обувь перед тем, как забраться в палату? А еще он мог элементарно войти через дверь. Она не запирается, а из смотрового кабинета и процедурной не видно, кто идет по коридору... Я прав?

Фельдшерицу иллюминаторами побуравил, она расплакалась, начала каяться, что ни разу никого в ее лекпункте не приканчивали, а ежели кто и помирал, то исключительно от неизлечимых болезней или запоздалого обращения к меди-

цине.

Липка фельдшерицу пожалела, взялась утешать, на столичника глянула неодобрительно (еще один минус ему как ухажеру). А очкарик воротничок расправил, как будто к университетскому экзамену готовился, и прогундел:

– Относительно проникновения все очевидно, однако меня больше занимает, каким оружием он умерщвлен. Я недостаточно компетентен в данной сфере, но можете вы привести навскидку какой-либо аналог?

С аналогами у столичника не заладилось. Может, по части разных там волын он как особист и был подкован, но здесь явно не из обычного револьвера гвозданули.

Помолчали мы, и настала пора мне свою власть показать:

– Палата опечатывается вплоть до завершения следственных действий... гхы, гхы... Труп сегодня же отвезти в Пермь. Птаха, тебя назначаю ответственным, клопа тебе в онучи. Всех присутствующих в течение дня обязываю зайти ко мне и дать показания под протокол. Медперсонала это касается в первую голову. На этом все.

Вывалили мы ватагой из лечебницы. Надутые, друг на друга поглядываем с подозрением. А столичник взял и ни с того ни с сего завернул:

– Мне кажется, кто-то из вас что-то скрывает. В сложившихся обстоятельствах это может быть истолковано не в вашу пользу. Предлагаю выложить карты на стол. Так будет проще р-разобраться, что происходит в р-районе.

Вещает он, а сам, шельмец, в меня вперился и глаз не сводит – будто всю душу мне распатронил и наизнанку вывернул. А ну как и в самом деле у них в особой группе, к которой он причислен, умеют мысли читать? Телепатия, хренопатия, или как она там называется... Слыхивал я об этом, но сталкиваться не доводилось. И вот принесло помощничка...

Другие посмотрели на него, как на спятившего, ни слова не сказали и разошлись кто куда. Птаха ко мне привязался, давай карандашом по доске водить, но я его прогнал и к себе на хату пошел. Сшиб меня столичник с панталыку, требовалось наедине с собой побыть, обдумать. Я-то прежде был уверен, что подкопаться ко мне ни с какого боку невозможно. Все подчистил, все в прошлом схоронил. Была только одна вещь, которая меня выдать могла, сберег из сентиментальности, рука не поднялась выбросить. Но она так глубоко запрятана, что и черт не сыщет. Неужто у столичника еще и зрение рентгеновское, насквозь просвечивает? Да ну! Безлепица какая-то...

А все ж не отпускали меня сомнения. Знает или не знает? Наугад ляпнул или с умыслом? Поди разгадай.

Солдатка моя на сыроварню ушла, на смене будет до вечера. Оно и к лучшему, мне сейчас подглядчики ни к чему. Прошел в горенку, сел у самовара, кулаком подперся, гляжу на паутину в углу, умишком раскидываю. Как быть? Лукавый мне в ухо вдувает: а может, столичника того?.. Усопшим больше, усопшим меньше – пускай все единым чохом

на дьявольские происки спишут.

Не захотел я дальше слушать, пальцем своему отражению самоварному погрозил. Пока нет ясности, радикальные меры отставить. Может, я понапрасну полошусь, а этот уникал-рентген просто на пушку меня берет? Но подстраховаться – самое то. Ведь случись провал, все в тартарары полетит, и такая буря подымется – мама не горюй!

Завесил я оконца лиялыми штормками, достал из-под топчана свой походный вещмешок, опорожнил его, швы на подкладке ножичком подпорол, и – опля! – вот оно, мое сокровище. Картонный прямоугольничек из тряпичных слоев высвободил, подержал перед собой, повздыхал. Ничего не поделаешь, безопасность прежде всего.

Растопил печурку двумя поленцами, забросил туда картонку, подождал, пока дочиста сгорит. Зола в кулаке растер, вынес на огород и развеял по ветру.

Дулю тебе, столичник! Теперь не подберешься.

Глава III

знакомящая читателя с точкой зрения этнографа Байдачника

Дилетанты, дилетанты и еще раз дилетанты. Именно это твердил я себе, когда лицезрел так называемую деятельность так называемых блюстителей порядка. О! Уровень интеллектуального развития вогулов, с которыми я непосредственно общался все последние месяцы, несопоставимо выше, чем у этих носителей культуры и социального прогресса. (Надеюсь, вы оценили мой сарказм?) Тем не менее одни прозябают в нищенских и антисанитарных условиях, а другим доверяют посты в государственных структурах. Где логика?

Да, я порой излишне экспансивен, но вы меня простите. Как можно пребывать в индифферентном состоянии, когда при тебе двое кретинов демонстрируют ужасающий непрофессионализм! Взять, к примеру, глупейшее нападение на ритуальную группу у священного камня. Согласен, ментальность вогулов отличается от традиционной светской, но это не повод уничтожать исконный культ. Я тоже многие нравственные каноны, признаваемые нормой в современном обществе, считаю сомнительными... Но сейчас речь не об этом.

А как эти двое – Арбузов... нет, Арсеньев и второй, фа-

мили которого я не запомнил, – а также примкнувший к ним невежественный участковый повели себя в ходе преследования летательного аппарата? О! Это же чистейшая буффонада! Никому из здравомыслящих индивидуумов и в голову бы не пришло устраивать за неопознанным объектом погоню со стрельбой, ибо, следуя этой модели поведения, ты а) обнаруживаешь себя и свои враждебные намерения и б) подставляешь себя под контрудар, каковой может оказаться сокрушительным. Не имея представления о сущности означенного объекта, по меньшей мере неразумно вступать с ним в открытое противостояние.

Эти азбучные истины я и старался довести до сведения Артюхина (Артемьева?), когда мы с ним взбирались по шаткой лестнице на чердак и устраивались там, как два беспризорника, на прелых соломенных охапках. Я не привереда, ночевал и в палатках, и в ярангах, и под открытым небом. Но тогда это диктовалось необходимостью, альтернатив не было. В селе, являющемся районным центром, могли бы подыскать что-нибудь получше, но, по всей вероятности, мою персону здесь ставили вровень с необразованными голодранцами...

Пережитые ночные тревобления не позволили мне сразу же погрузиться в царство Морфея, поэтому я продолжил дискуссию:

– Как вы считаете, Викентий Семенович, за чем мы сегодня гнались? Что это – животное, метеорологическое явление...

ние или неизвестный механический агрегат?

– Скорее, третье, – обронил он без раздумий и снял шинель, от которой разило, как от переполненной солдатской казармы. – Ни животные, ни птицы так не двигаются.

– А грозное облако? Вспомните сияние, которое от него исходило...

– Нет. Я р-разглядел его достаточно хорошо. К тому же, когда мотоцикл заглох, мы все услышали шум, похожий на р-рокот винтов. Поверьте, это техническая конструкция.

Он мыслит последовательно, отметил я про себя. И не так глуп, как показалось мне вначале.

– Что же это за конструкция? Судя по контурам и характеру движения, она не имеет ничего общего с аэропланом.

– Да, это не аэроплан и не воздушный шар. Что-то принципиально иное. Я не спец в этом вопросе, тут нужен авиатор...

Полемика увлекла меня, я даже усталости не ощущал.

– И что вы намерены предпринять?

– Сейчас? Лечь спать. – Он уклонился от дальнейших дебатов, и спустя короткое время я услышал мерное похрапывание.

Мне же долго не спалось, а затем к нам на чердак вторгся участковый, принялся издавать нечленораздельные звуки. Насилу мы добились от него, что коллега Абрикосова с анекдотической должностью «субинспектор» приказывает нам явиться в сельскую лечебницу для допроса вогула Сан-

ки. О! Я не подчинялся никаким субинспекторам и считал себя вправе проигнорировать приказ, однако из уважения к раненому, с которым у меня за месяцы пребывания в вогульском стане завязалось подобие дружбы, я согласился.

После лесных приключений и ночевки на чердаке вид у меня был не слишком презентабельный, и я попросил четверть часа, чтобы привести себя в порядок. Аркадьев ушел искать хозяйку дома, которой зачем-то тоже велели присутствовать при допросе. Я разделся до пояса и принял холодную ванну у колодца. Хозяйка преподавала в школе, понадобилось ждать, пока она освободится. Промедление обернулось тем, что мы не застали Санку в живых. Там, в лечебнице, я принужден был выслушивать наивные суждения наших сыщиков, возомнивших себя персонажами детективных романов. Неудивительно, что их смехотворное расследование застопорилось в самом начале.

Убитого отправили в Пермь, его сопровождали двое милиционеров, подручных участкового – оба как на подбор громилы устрашающей наружности и со слабо развитыми мыслительными функциями. Мой сосед по чердаку вызвался ехать с ними, а я, в свою очередь, напросился к нему в попутчики. Мне не терпелось передать в университет накопленные за четыре месяца итоги моих исследований и проинформировать ректора о вопиющих нарушениях законности, с которыми я столкнулся в Кишертском районе. О! У Семена Николаевича связи на всех уровнях, я не сомневался, что он

изыщет возможность приструнить распоясавшихся нахалов.

Пока я устраивал свои дела, Анохин заселился в гостиницу наркомхоза – бывшие «Королевские номера». Это была лучшая гостиница города, из чего я заключил, что деньги у него водились, и немаленькие. Видимо, чердачное житье претило ему, как и мне, и он воспользовался случаем переночевать в сносных условиях. Мы пообедали с ним в гостиничной столовой. Подкрепив силы, я выдвинул идею посетить библиотеку, которая помещалась в центральной части города, на улице Сибирской, куда переехала еще в минувшем веке после печально знаменитого Пермского пожара.

Абрамов сардонически сощурился и съехидничал:

– В библиотеку? Зачем? Хотите ознакомить меня с вашими этнографическими трудами?

О! Я так и знал, что слово «библиотека» вызовет у этого фигляра неудовольствие. Но мне удалось сохранить хладнокровие, и я с достоинством произнес:

– Я хочу ознакомить вас с подборкой статей и заметок, которые однажды попались мне, когда я изучал журнальные подшивки. По моему скромному мнению, они имеют отношение к интересующей вас теме. – Я окатил его изрядной порцией презрения и закончил: – Но, быть может, это не соответствует намеченному вами расписанию и вы желали бы наведаться в пивную?

Мой выпад возымел действие, и через полчаса мы сидели в просторной читальне. Когда-то здесь заседали члены

Городской управы, теперь же зал был переоборудован, отремонтирован и меблирован столами и стульями, полученными в дар от Лесотреста и Губоно. Я разложил перед Апраксиным старые – тридцатилетней давности – комплекты еженедельника «Научное обозрение», раскрыл их на нужных страницах (благо память у меня отменная!) и указал на корреспонденции, которые следовало прочесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.